

© Ракитянский Н.М.
Rakityansky N.

ДОГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

THE DOGMATIC BASES OF ANGLO-AMERICAN MENTAL EXPANSION

Аннотация. В статье анализируются глубинные причины доминирования в современном мире западного типа менталитета.

Annotation. The article analyzes the root causes of dominance of Western-type mentality in the modern world.

Ключевые слова. Менталитет, ментализация, вера, догмат, субменталитет, реализм, номинализм, ментальная экспансия.

Key words. Mentality, faith, dogma, submentality, realism, nominalism, mental expansion.

Истинной науке полагается рассматривать объект своего исследования на максимально возможных глубинах прошлого и перспективах будущего [1]. В этом плане отечественной политической психологии необходимо не только предугадывать новые горизонты, но искать и находить понимание основ национальной субъектности, ментальной идентичности.

Решение этой задачи предполагает также изучение основ менталитета нашего извечного партнёра-оппонента – исторического Запада. Тем более что некоторые современные авторы спешат предлагать свои рецепты по радикальному изменению «полуазиатского», «всеядного», «агрессивного» и проч. «российского менталитета» [2] по западному эталону, не подозревая, с какой толщей бытия предстоит иметь дело.

В чём причина того, что начиная с XVI столетия, весьма незначительная часть человечества успешно осуществляет по всей планете ментальную экспансию, диктуя свою волю, внедряя свои образы и концепции, культурные и правовые нормы, прививая жизненные стандарты и поведенческие стереотипы, психологические установки и духовные ценности?

Менталитет и вера

Мы исходим из того, что феномен менталитета объясняется культурно-историческим, и, в конечном счете – религиозным происхождением. Так, история менталитета русского этноса обусловлена принятием христианства непосредственно из рук ромейской цивилизации. В.В. Колесов пишет о том, что процесс древнерусской ментализации есть в основе своей перенесение на русскую почву, через славянское слово, основных символов христианской культуры [3]. Любой менталитет формируется и развивается на основе веры. Феномен веры и особенно религиозной веры волнует людей с глубокой древности. Он проявляется в особенностях мышления, волеизъявления и различных бессознательных установках людей. Дух народа, его религия являются, говоря словами А.А. Ухтомского, доминантой этнического менталитета [4].

Знание не может осуществиться без веры и, в сущности своей есть не что иное как вера или вид её [5]. Вера как вид знания и понимания материальной и метафизической реальности всегда была и будет одной из самых глубинных основ менталитета. Вера, в качестве базисной психической функции, выступает своего рода

стержнем, на который нанизывается вся структура национального менталитета [6]. Об этом в начале первого тысячелетия н.э. высказался классик античности Плутарх (ок. 45 – ок. 127): «Обойди все страны, ты можешь найти города без стен, без письменности, без правителей, без дворцов, без богатств, без монеты, но никто не видел ещё города, лишённого храма и богов, города, в котором не воссылались бы молитвы, где не клялись бы именем божества» [7].

Вера формирует смыслообразующие устремления человека [8], вектор мышления и воли, которые программируют его жизнь и деятельность, его воззрения, намерения и поступки. Вера определяет первичную систему знаний, структуру ментальной матрицы, наполняет её содержание. Более того, вера обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, её экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека [9].

Говоря о том или ином национальном менталитете, мы утверждаем, что в первую очередь он является религиозным менталитетом. В отличие от собственно национального менталитета, монотеистический менталитет содержит в себе всеобщие, универсальные установки. Так, в самом определении «русский» не содержится необходимых этических требований по отношению к другим национальностям, и наоборот. Но в определении «православный» подразумевается соблюдение неизменных этических норм – запрет обмана, воровства, убийства и т.д. по отношению к представителям всех конфессий и всех национальностей. Менталитет включает в себя все устойчивые характеристики преобладающих установок мышления, воли и бессознательного, а также устойчивые поведенческие характеристики, свойственные *религиозным и секулярным*¹ группам, которые определяются преобладающим в них вероисповеданием [10].

В России психологические установки православия свойственны не только религиозным людям, а, что весьма важно, большинству светских, мирских групп граждан. Тот факт, что десятки поколений наших предков в своей жизни ориентировались на одни и те же высшие ценности веры, руководствовались ими, неизбежно ска-

залось на внутренней жизни всех последующих поколений. Догматы² православия стали фундаментом русского национального менталитета, который определил не только культурно-историческое своеобразие России, но и направление её политического развития.

Центральным и основополагающим содержанием монотеистической религии выступает единый и трансцендентный³ Бог. Его правильное исповедание выражается в определенной форме, которая непрерываемо определяется догматом. «Догмат, – пишет А.Ф. Лосев, – есть попросту абсолютизация, производимая в сфере религиозного видения и жизни... догмат есть система теоретического разума, выдвинутая тем или иным религиозным опытом и откровением веры» [5].

Православие, католичество, протестантизм, ислам, иудаизм представляют собой такие догматические основания и формы исповедания единого Бога, которые и являются системными началами соответствующих ментальных типов. Каждый из таких менталитетов полагает свои установки веры непрерываемыми, абсолютными и не имеющими каких-либо границ в земном мире. Исходным пунктом, основанием и критерием исповедания служит принятие Божественного Откровения, содержащее в себе положения, которые не могут быть получены в процессе естественного мышления человека, но апеллирующие непосредственно к его вере.

Таким образом, все монотеистические религии, являясь системообразующим началом соответствующих менталитетов, содержат кардинально различие структуры всеобщей веры, опираются на разные тексты Откровения, по-разному понимают и трактуют догматические основания своей веры. Так, к догматам иудаизма относится признание единого Бога Яхве и богоизбранность еврейского народа, вера в приход мессии, воскресение мёртвых, посмертное воздаяние. Иудаизм отрицает текст Нового Завета, но утверждает святость Ветхого завета и Талмуда. Иудейский догмат требует исполнение предписаний, которые обеспечивают вечное блаженство в загробной жизни. Догматы ислама утверждают веру в Аллаха, т.е. веру в Бога и в священные книги, веру в пророков и предопределение. Исламский символ веры выражен словесной формулой: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – Пророк его». Православие, католичество

¹Секулярный от лат. *saecularis* – мирской, светский. Понятие начало распространяться в Европе в период Реформации. В настоящее время секуляризация рассматривается как глобальный процесс отказа от религиозной веры, замены её ценностями нерелигиозного, мирского характера.

²От др.-греч. *δογματίζω* – «мнение», «общее убеждение», «постановление», «утверждение».

³Трансцендентный, трансцендентная, трансцендентное; трансцендентен, трансцендентна, трансцендентно (от лат. *transcendo* – переступаю, перешагиваю) – выходящий за пределы чего-либо, лежащий за пределами опыта, недоступный опытному познанию.

и различные ветви протестантизма опираются на свои традиции в толковании христианских догматов.

Вера и догмат

Отличие религиозной установки от всех других установок определяется верой, которая и является общим для всех религий психическим феноменом. В христианстве вера определяется утверждением Апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верую познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» [Евр. 11:1]. В монотеизме предмет веры выступает ценностью высшего порядка, и этот предмет находится вне природы, т.е. он трансцендентен.

Психологически религиозная вера имеет свою структуру. Эта структура не изменяется в веках. Она имеет для масс людей всеобщий характер и выражена понятием догмата. Именно догматы, как выделенные богословием фундаментальные основания религии раскрывают те самые «невидимые вещи», как предметы для всеобщего и необходимого исповедания. Догматически определяемая структура веры раскрывает внутреннее содержание менталитета. Именно к ней сводятся самые существенные различия, которые позволяют отличить один менталитет от другого.

Религиозный аспект менталитета не сходен, с национальным аспектом менталитета не только границами своего распространения, но и внутренней структурой. Различные религии охватывают самые различные народы. Так, все представители определённого типа менталитета в лоне христианской цивилизации, верующие и неверующие, непосредственно соотносят себя с общими ценностями, традициями, правилами, нормами и стандартами, независимо от своего языка, национальной и даже расовой принадлежности.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что любой менталитет догматически утверждается через веру и его основание и структура не определяется ни через что иное.

Догматические основания менталитета

Многие поколения людей различного социального статуса, – правители, элитные группы, обыватели и др. ориентировались на догматические основания жизни. Это обстоятельство уже в XX веке со всей очевидностью проявилось в факте радикального преобразования

природной, социальной и информационной среды на планете, всего уклада жизни масс людей. Их психика или внутренняя жизнь в столь длительном процессе тоже не могла остаться незатронутой.

В нашей стране, начиная с XIX века, формировалось жёстко отрицательное отношение к понятиям «догма», «догмат» и «догматика». Современное сознание привычно воспринимает эти слова крайне негативно как олицетворение некой архаичной, окаменелой и заскорузлой церковной системы, которая якобы состоит из сплошных ограничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности. Секулярное общество это очень не любит. Одно слово – догма зачастую вызывает реакцию как минимум в форме настороженности и раздражения.

Но мало кто знает, что религиозные догматы говорят только о Боге. В христианстве, самой догматической религии мира, не существует догматов, которые регламентируют повседневное поведение человека или говорят о том, какой должна быть культура, право, наука, экономика или политический строй. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с Символом Веры. Он содержит краткое и точное догматическое изложение сущности христианского вероучения, выраженного официально признанной словесной формулой, которая структурирована двенадцатью частями (членами) [11]. По объёму Символ Веры уместается на одной странице текста [12]. Каждый человек, принявший христианство обязан эти положения знать, принимать и исповедовать, независимо от своих мнений и переживаний, чтобы по праву причислить себя к составу Церкви.

Христианство по своей догматической сути, как и любой монотеизм теоцентрично, оно не допускает никакого произвольного истолкования своих догматов. В других монотеистических религиях нет такого краткого и точного символа веры — *ортодоксии*¹, но есть развёрнутый свод обязательных нормативных действий, правил, ритуалов и обрядов — *ортотраксия*².

Для большинства религий характерен акцент на *ортотраксии*, т.е. на обряде как на внешнем религиозном поведении. Так, мусульманин в первую очередь должен соблюдать законы шариата³. Иудей должен следовать предписаниям своего Закона в толковании мудрецов и раввинов. В иудаизме, например, представление о Боге и о других предметах веры в конкретной и чётко структурированной словесной формуле не выражены, и каждый последователь иудаизма может верить, как хочет. Но,

¹ От греч. *orthos* и *doxa* — «правильное мнение или мышление».

² От греч. *orthos* и *praktikos* — «правильное делание».

³ От араб. *шари*: правильный путь к цели.

вместе с тем, его поведение в повседневной жизни жёстко регламентировано множеством правил.

Догматическое богословие как религиозная наука следует за важнейшими и всеобщими необходимыми положениями Божественного Откровения, которые сформулированы Церковью на Вселенских Соборах. Именно этими основоположениями или принципами, а не частными мнениями, должна определяться вера человека.

Секулярное же понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, неверно в том отношении, что догмат вообще изначально не затрагивает те положения, которые находятся в сфере нашей повседневной мысли. Догмат формирует структуру сверхсознательного или надсознательного [13], по сути внеприродного [14] феномена, т.е. массовой веры, которая и является основой менталитета.

Исключительную значимость догматического принципа для развития практической, научной, культурной, духовной и других видов деятельности христианской цивилизации в отличие от других цивилизаций показал А.Ф. Лосев в монографии «Диалектика мифа», которая была опубликована в 1930 г. в Москве. Его идеи развивал в своих трудах В.В. Мажаровский. Он определял догмат как установки веры, которые утверждаются как всеобщие для всего исповедания, а также такие установки, которые не могут быть выведены с помощью логического мышления. Иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен положениями обыденной или научной логики. Первая часть этого определения показывает отличие различных догматических установок веры внутри монотеизма, вторая его часть показывает несводимость базисной установки догматической веры к естественному (языческому) типу мышления [10].

Здесь мы делаем акцент на том, что догматы выражают конечный смысл существования человека, его утверждение в вечности. Они вводят его в строгий, структурированный и обязательный для всех верующих порядок взаимодействия с окружающим миром, который определяется не самим миром, а догматической формулой, содержащей обетование абсолютного Бога.

Итак, догматические системы исповедания, повествуя только о Боге, в течение двух тысячелетий служат основанием менталитета, средоточием высших ценностей каждого человека, принимающего эти догматы. Само догматическое мышление как матрица или инвариантная структура, объединяла религиозные, а впоследствии и секулярные массы людей, которые жили в пространстве длительное время преобладающего вероисповедания как в некой гравитационной системе.

Догматическое мышление непреложно воспроизводилось в ментальных особенностях обыденной и общественной жизни, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности. Понятия, установки, стереотипы, нормы, традиции и ценности в результате этого процесса со временем стали неотъемлемой частью не только сознания, но и других – подсознательных, а также сверхсознательных – компонентов психики верующих и неверующих людей.

Ментально-догматические особенности из поколения в поколение возобновляются и подтверждаются их носителями — субъектами менталитета как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, доказательств и обоснований.

Западный менталитет и субменталитеты

Каждый тип менталитета как целостная система включает в себя четыре базовых психологических компонента. Это – определяемая догматом вера, догматическое мышление, направляемая догматом воля и связанное с догматом бессознательное [15]. Менталитет выражает собой неизменяемые веками и непрерываемые в своих проявлениях догматические установки мышления, воли, бессознательного и веры, как феномена сверхсознания. Эти установки исторически формировались на массовом уровне в западном цивилизационном пространстве. Они непосредственно связаны с доминирующим и длительное время преобладающим в западной культуре исповеданием веры – христианством.

Именно христианство стало единым догматическим основанием западного менталитета. Его догматичность для большинства современных людей является практически невидимой и неразличимой, так как она столетиями привычно воспринимается как истина а priori и не составляла для его носителей никакого вопроса. Именно поэтому, для мышления каждого человека, находящегося внутри любого менталитета чрезвычайно сложно определить, – в чём именно состоит его догматическая обусловленность. Необходимо как минимум обладать аналитической установкой «над» [16], в которой выражаются рефлексивные стремления увидеть и понять в привычном то, что сокрыто от усреднённого большинства. Именно установка «над» позволяет субъекту менталитета посмотреть на ситуацию, на контекст и на самого себя со стороны, на дистанции.

Предельная догматичность современного западно-христианского менталитета проявляется в политике, экономике, культуре в требованиях либерального обустрой-

ства глобального миропорядка. Здесь мы сделаем весьма важное замечание. Отличительные черты западного менталитета характеризуется, во-первых, его унифицированностью или тотальностью. Эти особенности предполагают принятие носителями менталитета неких всеобщих для всех постулатов. Обусловлено это тем, что веками исповедание догмата в монотеизме выдвигалось в непререкаемой и общеобязательной форме, а потому было некритично усвоено подавляющим большинством.

Во-вторых – это непреклонность и бескомпромиссность в отстаивании своих позиций. Поскольку Бог исповедуется в монотеизме трансцендентным, а весь земной мир полагается сотворенным Им, постольку монотеистами мир и природа воспринимаются заведомо пронцаемыми. Ничто не может быть препятствием отстаиваемой ими абсолютной истине и связанных с нею правовых, этических, социальных норм и политических устремлений.

Третья характеристика означает ориентацию выразителей догматического менталитета на ценности, превышающие природный порядок действительности. Это объясняется тем, что Бог, как источник ценностей для этой ментальности находится вне природы, т.к. он трансцендентен. Следовательно, все, что с ним наиболее тесно связано, а это в первую очередь человек как «образ и подобие Божие» и божественные заповеди, имеют уже не ситуативное, а вневременное значение, т.к. они утверждены в вечности. Здесь сам человек и его вера ценны сами по себе. Поэтому люди этой веры могут и должны при необходимости изменять природный порядок согласно базисной ментальной установке [10].

В Западной Европе XIII – XIV веков получили развитие три богословские системы, впоследствии сформировавшие установки веры, которые пронизывали собой всё научное и практическое знание, этику и бессознательное. Они полностью сохранились до настоящего времени. Эти богословские системы стали догматическим основанием трёх западных субменталитетов.

Первая из этих систем — ортодоксально-католическая. Будучи исторически первой, в позднем Средневековье она была связана с трансцендентальным методом западного богословия. Этот метод во всей полноте представлен в учении философа и теолога, доминиканского монаха Фомы Аквинского (лат. Thomas Aquinas, итал. Tommaso d'Aquino) (1225 – 1274), основателя томизма. Аквинат придерживался позиции умеренного христианского реализма [17], считая, что чем выше духовность, тем выше степень познания. Он утверждал, что во взаимоотношении двух высших способностей человека — мышле-

ния и воли, приоритет принадлежит мышлению, поскольку воля с необходимостью следует интеллекту, представляющего для неё то или иное сущее, как благое [18].

Вторая система — континентально-протестантская, которая впоследствии, во времена Реформации вступила в непримиримый конфликт с католичеством. Она определялась методом постижения христианских догматов, характерным для богословия немецких мистиков. Основателем этого направления является немецкий теолог и философ, член доминиканского ордена, один из крупнейших христианских мистиков Майстер (Йоган) Экхарт (Eckhart, Johannes) (ок. 1260 – ок. 1328). По концепции Экхарта, человек способен познать Бога, поскольку в человеческой душе есть «божественная искорка», частица Божества. Божественное бытие есть знание, и мышление есть бытие Бога. Поэтому мышление обладает божественной природой и в нём раскрывается сам Бог. Экхарт придерживался позиции крайнего христианского реализма [19]. Он сформулировал такое отношение к таинству Церкви, которое допускает его реальность вне церковной иерархии. От томизма и других католических богословских школ Экхарта отличает догматический антропоцентризм. Через двести лет М. Лютер сделал идеи Экхарта знаменем континентального протестантизма. Впоследствии идеи Экхарта оказали интеллектуальное влияние на И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Ницше, К.Г. Юнга [20].

Третья богословская система — это английский номинализм или терминизм. Наиболее ярко он выражен богословием раннего предшественника Реформации Вильяма (Вильгельма) Оккама (англ. William of Ockham) (ок. 1285 – 1349), философа, францисканского монаха из деревни Оккама в Англии. Он считается одним из отцов современной западной философии, а также одним из величайших логиков всех времен. Оккам считал, что догматы есть сверхразумные постулаты, относящиеся не к разуму, а к вере и воле. И как следствие этого в его концепции воля обладает безусловным приоритетом перед разумом. Этико-социальная доктрина У. Оккама представляла собой индивидуалистическую концепцию общества и морали человека. Реформация активно использовала идеи Оккама в борьбе с католической церковью, на него ссылался М. Лютер, его труды по логике и философии оказали влияние на великих эмпириков — Ф. Бэкона, Дж. Локка, Д. Юма [21].

Таким образом, три доминирующие богословские системы Запада в их упрощённом виде формировали у масс людей в различных частях Европы догматический взгляд на внешний мир, на природу человека и на его роль в этом мире. Именно на этих трёх догматических

основаниях образовались и развивались в последующие века устойчивые субменталитеты внутри общего христианского менталитета. Это обстоятельство со временем повлекло за собой реальный раскол западного менталитета на католичество и две формы протестантизма – континентальный и английский протестантизм. Последний, генетически связанный с английским номинализмом, тотально определяет современный миропорядок и главенствующие в нём догматически утверждаемые ценности.

При всех различиях трёх субменталитетов, о чём мы скажем ниже, они составляют единый западный менталитет. В чём проявляется то общее, что при всех догматических различиях составляет его догматическое единство?

Исчерпывающий и точный ответ находим у А.Ф. Лосева: «Я утверждаю, что всё мышление после Средних веков есть либерализм и гуманизм, как вся социально-экономическая жизнь этих веков основана на отъединённом индивидуализме, т.е. оказывается капитализмом, и рационализме, т.е. оказывается машинной культурой, так миф о всемогуществе знания есть всецело буржуазный миф. Это — сфера либерального мышления, чисто капиталистический и мещански-буржуазный принцип.

...Захвативши душу вещей в свой субъект, европейский человек стал разрушать и дробить ее, бросаясь от одной крайности в другую. Так одна и та же капиталистическая Европа XVI–XIX вв. в разные стадии своего существования породила алогический фидеизм с его бесплодными «настроениями» и рационалистический атеизм с его внутренней пустотой и мещанским духовным убожеством. Обе мифологии суть, конечно, вырожденческие мифологии. Тем не менее, обе они уже давно доросли до степени догмата и даже догматического богословия» [5].

Реализм и номинализм

Эти понятия, известные со времён Античности, получили своё развитие в противоборствующих направлениях схоластической философии и традиции христианского образования VIII–IX вв. Они появились на Западе в процессе борьбы с многочисленными ересями, но не прижились в Византии.

В христианской Империи ромеев в отличие от Латинской империи с IV века начинается история исихазма [22]. Примерно через тысячелетие, к XIV в. «исихазм – по словам Г.М. Прохорова, ... вышел на людные улицы Фессалоник и Константинополя, вмешался в литературу, искусство, политику и оказался социальной силой, ставшей на пути полного... подчинения Византии латинянам» [23]. Духовное, культурное и политическое влияние исихазма было столь велико, что он сыграл важную роль в обра-

зовании великорусской народности, в создании самодержавного государства на Руси [24] и формировании русского менталитета.

Но в Западной Европе именно реализм и номинализм стали определять не только альтернативные стратегии понимания мироздания и способы взаимодействия с действительностью, но и весьма существенные ментальные отличия. Официальное богословие неизменно стояло на позициях реализма и отвергало номинализм, даже налагая на него запрет. Но, ни папский престол, ни враги номиналистов никогда не сомневались в их вере в Божественное Откровение. Да и сами они твердо и неуклонно стояли на почве общепринятой церковной догмы. Спор был в том, принимать ли общие категории и понятия за реальности или только за имена. Для одних общие понятия, вроде «причина», «цель», «*homo sapiens*» и т.п. — были подлинными реальностями, тогда как для других это были не более чем слова, т.е. имена – *nomina*. Подлинная же реальность, например, принадлежала конкретной цели поступка конкретного человека. Для школы «реалистов» и конкретный день, и конкретное человеческое лицо – всё эфемерности, в сущности, почти не существующие по сравнению с неизблемыми понятиями «причина», «время», «человек вообще». Для школы «номиналистов» действительно существуют только конкретные, текущие вещи, события и люди, а отвлечённые понятия – одни слова и эфемериды.

С точки зрения реализма правильно определить вещь — значит почти разгадать ее природу [3]. Слово понимается как мост между земным и небесным. Слово содержит в себе весь мир, и весь мир постигается именно в слове. Сущность вещи понимается как ее имя, а имя — как ключ к сущности [25]. Зрелый реализм, пишет А.М. Камчатнов [26], можно выразить формулой: имя есть вещь, но вещь не есть имя.

Оппоненты реализма, номиналисты, по мнению А.Ф. Лосева, выдвинули то новое учение, которое не без трудностей усваивается человеком, изучающим философию и вдруг сталкивающимся с такой предметностью, которая не есть ни утверждение бытия, ни его отрицание [27]. С точки зрения представителей крайнего номинализма, реально существуют только единичные вещи материального мира. Общие понятия – есть не более чем имена (лат. *nomina*), понимаемые к тому же не как единство плана выражения и плана содержания, но всего лишь как дуновения голоса (лат. *flatus vocis*). При таком подходе, когда единственной реальностью признается реальность эмпирическая, разговор об идеальных сущностях теряет смысл.

В номиналистической системе координат слово ничего собой не представляет, кроме условного знака. Реально существуют только единично чувственно воспринимаемые вещи. Номинализм, выраженный богословской концепцией В. Оккама, отличался крайне светским характером и как религиозная доктрина практически разделил теологию и философию, веру и науку. Он стал догматической, идейной и философской основой эмпиризма, позитивизма, прагматизма, индивидуализма, юридизма, современной демократии и либерализма. По словам самого К. Маркса номинализм в Средние века выступал «первым выражением материализма» [28].

По мнению А.А. Ухтомского, и реалисты, и номиналисты были односторонни и не правы в своих спорах [29]. Эти оппонирующие направления средневековой мысли на своём малопонятном схоластическом языке выразили то духовное ниспадение, которое поразило Западную церковь в её стремлении на языке логики рационально обосновывать догматы христианства. Произошла редукция, профанация сакрального, христианского начала и возвеличивание человеческого разума. Это привело общество к антропоцентризму, возрождению классического язычества, деизму, пантеизму, материализму и атеизму. В итоге Бога постепенно и незаметно подменили Мамоной. В своем противостоянии и реализм, и номинализм оказались крайностями, которые сошлись в отрицании духовного пути познания Бога и человека, данного в опыте и умопознании святых Отцов Церкви первого тысячелетия. В отличие от Евангелия менталитет Запада выражается в фундаментальном принципе его жизни: «Ищи, прежде всего, что есть, что пить, а Царство Божье приложится» [30].

Реалистическая и номиналистическая богословские системы как порождение схоластического мышления стали догматическими основаниями формирования различных типов менталитетов. И хотя все фундаментальные глобальные проблемы современного мира, объяснить лишь философской дилеммой реализма-номинализма невозможно, тем не менее, из этого следуют некоторые важные для предмета нашего обсуждения выводы.

Психологические различия и единство западных субменталитетов

Формирование и развитие в западном догматическом мышлении трех главных и относительно автономных друг от друга субменталитетов имеет свои истоки в начале XI века. Тогда догмат о *filioque* [31] был впервые в одностороннем порядке присоединён к единому для всех

христиан Символу Веры в Риме на коронации германского императора Генриха II при папе Бенедикте VIII. Этот момент принято считать окончательным его введением в корпус догматов Римской Церкви. Сам раскол церковей состоялся много позже и в значительной мере по причине различных трактовок *filioque*, которые были приняты западным христианством [32].

В каждом из трёх субменталитетов в течение веков были сформированы устойчивые антропоцентрические установки, которые в значительной мере определялись индивидуализмом западноевропейского Возрождения. Они обусловлены самой структурой веры, которая выражена в формуле западного догмата. Вместе с тем в реалистических менталитетах — католическом и континентально-протестантском, положения веры тесно связаны с сознанием. И, как следствие, средоточием антропоцентрической установки выступают, соответственно, разум и мышление.

В номинализме же, где мышление и вера принципиально разводятся между собой, средоточием антропоцентрической установки выступает воля, как психологический феномен, который в отличие от других, наиболее тесно связан с положениями веры. Таким образом, акцент был кардинально смещён на поведение, которое жёстко регламентируется заповедями и, соответственно, — законом, особой моральной и этической нормативностью [33].

Это разделение, конечно, не означает, что субъекты реалистического менталитета безвольны и безнравственны, а субъекты номиналистического менталитета — неразумны. Речь идет о ментальных доминантах, и конкретно о том, что считается субстанциальным началом человека: разум или воля, мышление или поведение.

Для английского номинализма разум изначально несубстанциален, т.е. он не является первоосновой бытия. Никакое абстрактное познание или отвлеченная система мысли не обладают в догматической структуре этого менталитета самостоятельной ценностью. Но всякое знание вообще может быть ценным только как адекватная и полезная в обслуживании интересов воли информация. Это принципиально новая в истории человечества ментальная установка.

Так, для богословов реализма и философов континентальной Европы, опиравшихся на их учение, мышление соотносилось со сферой божественного. Для их древних предшественников — языческих мудрецов, восточных гуру, шаманов, колдунов и пр., мышление соотносилось в первую очередь с природой: с космосом, солнцем, планетами, наконец, с духами земли, огня, воды и проч. Но в номинализме мышление изначально пола-

гается в качестве чего-то вторичного, что обслуживает только мотивы индивидуальной воли и не более того. Таким образом, воля, обусловленная религиозной догматикой номинализма, приобретает в контексте этого менталитета по-новому значимый и в итоге доминантный религиозный смысл.

Например, люди Средневековья и Ренессанса, которые находились в ментальной культуре преобладавшего тогда христианского реализма, насколько можно об этом сейчас судить, были терпимы в своих нравственных оценках суровой действительности той эпохи. Но это не мешало им сознавать себя искренне верующими христианами. Нравственной доминантой для этого типа менталитета выступало соблюдение церковных таинств — исповеди, покаяния и причастия, которые примиряли человека с его греховным существованием в мире.

Безусловное утверждение примата специфической религиозной нормативности как конечной значимости христианской веры впервые было сформулировано номинализмом, который претендовал на то, чтобы сделать это направление доминантным в христианстве. Именно определённые этические нормы стали определять у пуритан и других протестантов всю жизнь человека, со всей очевидностью соотносясь с иудаизмом, где регламентированное множеством правил поведение в значительной мере определено заповедями и законом.

Три концептуальные установки западно-христианского богословия вступили в противоречие между собой именно потому, что каждая из них выражала свою догматическую точку зрения, и потому притязала на абсолютность и всеобщность своих положений. В дальнейшем в Европе эпоха религиозных войн сменилась эпохой в значительной мере секуляризованного интеллектуально-догматического противостояния и борьбой за утверждение своих ценностей как единственно правомерных и непререкаемых.

В конфликтном взаимодействии трёх ментальных экспансий, номинализм оказался наиболее прочным, жизнеспособным и, опираясь на примат воли, наиболее экспансивным. Его главные отличительные характеристики — это догматически детерминированный волюнтаризм и воинствующая нетерпимость ко всем прочим, несходным типам политического поведения.

Со временем богословские установки христианского реализма по разным причинам утрачивали свои догматические основания на уровне государственной политики стран континентальной Европы. Самые крупные из них прошли болезненные процессы внутренней дезинтеграции, что влекло за собой модификацию и де-

градацию ментальности и, как следствие, самостоятельной политики, которая изначально предполагала утверждение своих догматически непререкаемых систем ценностей.

Так, первой в конце XVIII в. пала Франция. Будучи самой крупной и мощной страной католического мира, она пережила катастрофу в результате атеистической революции, идейными вдохновителями которой были французские просветители, гуманисты, энциклопедисты и атеисты [34].

Столетие спустя, крупнейшее государство континентального протестантизма и католицизма — Германия, поддавшись соблазну саморазрушения через отказ от христианства. Она приняла неоязычество в лице фашизма и была разгромлена Советским Союзом, руководители которого во время войны в известной мере опирались на ценности православия [35].

Усвоив уроки прошлого, Германия, одна из немногих стран послевоенного мира, стала позитивно решать проблему реставрации христианских ценностей, что позволило ей стать политическим и экономическим лидером современной Западной Европы. Вместе с тем, она до сих пор не в силах противостоять номиналистической ментально-догматической экспансии своего союзника — США.

По тем же причинам трагедия не обошла и Российскую империю как безусловный центр политики в православии, представляющий собой, хотя и догматически иную, но, тем не менее, — форму христианского реализма [36]. Впоследствии в СССР разрушение православного догматического исповедания на протяжении десятилетий не могло в итоге не вызвать и деструкцию как советской государственности, так и всего общества. Атеистическое руководство страны было в принципе не способно сформировать духовный иммунитет у советского народа против «идеологической диверсии» и информационной войны со стороны ментально-догматической экспансии Запада.

К началу «перестройки» большинство населения Советского Союза было заражено мещанско-индивидуалистическими, потребительскими установками. Постсоветская Россия под водительством, говоря словами известного писателя, «маньяков демократии» и идолов либерализма не получив от них внятных и позитивных трансцендентальных догматических установок, продолжает деградировать в духовном плане под аккомпанемент бесплодных разговоров о поиске «национальной идеи».

В каждом из новообразованных в XIX-XX веках секуляризованных субменталитетов, по словам В. Мож-

ровского формировались новые установки мышления, в которых развивались уже отличные друг от друга догмы атеизма. Это — католический¹ атеизм во Франции, соборный и догматический атеизм в Советской России. В Англии и США начиналось развитие законнорожденного детища номинализма — индивидуалистического атеизма.

К концу XX- началу XXI века сложилась новая конфигурация геополитических ментально-догматических противоречий. В современном мире при всём многообразии государств действует весьма ограниченное количество ментально единых политических субъектов, которые представлены группами и блоками стран. Они выражают свои интересы, ценностные ориентации и преследуют свои цели. Политика государств, союзов и блоков, проявляется и реализуется в различных стратегических установках, опираясь на глубинные, догматические основания менталитета, который складывался в течение как минимум двух тысячелетий под воздействием догматических систем.

Единство веры как базисной религиозной установки обуславливает собой единство геополитической системы, с ней связанной. Например, с западно-христианской догматической установкой связано единство НАТО, ЕЭС и других геополитических структур в этом менталитете. Применительно к рассматриваемым менталитетам геополитическое единство не обязательно должно быть представлено реальным государством или территорией. Об этом можно судить на примере иудаизма, который в течение тысячелетий, не имея независимого государства, сохранял свою устойчивость и самостоятельное политическое существование, благодаря неизменной базисной религиозно-ментальной установке.

Таким образом, три богословские школы позднего Средневековья выражают непререкаемые и общеобязательные установки догматически обусловленного мышления, сохранившиеся до нашего времени. Но, несмотря на свои противоречия, они связаны, тем не менее, с одним общим христианским догматом и образованным им единым евро-атлантическим менталитетом, который, в свою очередь, определяет их политику и характер ментальной экспансии.

Номинализм — догматическая основа и практика англо-американской ментальной экспансии

In god we trust one dollar

Феномен веры в системе монотеизма всегда выступал как особое измерение власти. К сожалению, дале-

ко не всегда в том позитивном значении, о чём повествует П.А. Сапронов [37]. Все монотеистические религии экспансивны по своей догматической сути. Христианство не является исключением. «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» [Мар.16:15].

Проблема в том, как субъект того или иного христианского менталитета догматически трактует и практически осуществляет эту заповедь. Номинализм в настоящее время, безусловно, остаётся самой доминантной и агрессивной религиозно-догматической системой в мире. Она обязана своим происхождением только монотеистическим постулатам и определённому практическому методу их постижения. Номиналистический принцип определил установку догматического мышления огромной части Западного мира — Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и пр. при лидирующей и экспансионистской роли США [15].

Поскольку в догматической системе номинализма вера непосредственно ориентирована на волю, а не на сознание (мышление), постольку основные положения веры формируют здесь устойчивый религиозный волюнтаризм, отчасти, как и в иудаизме, центром которого так же выступает догмат, апеллирующий, прежде всего к практическому разуму [38]. Это два наиболее догматически волюнтаристических менталитета. Причем под волей здесь понимается её сугубо практический момент, включающий в себя, прежде всего, совершенно уникальную систему права, либерализм, индивидуализм, прагматизм, гражданские свободы, личный успех и ментально-догматическую экспансию.

В XIX веке христианские страны, по преобладающему в них менталитету, подчинили себе практически всю планету, «просвещали» и «цивилизовывали» буквально все иные народы. Вместе с тем, политическая неоднородность существовавшего тогда мирового порядка определялась особенностями самих христианских субменталитетов. Каждый из них отстаивал в политике свои собственные догматически обусловленные принципы и установки.

По мере подрыва фундаментальных догматических оснований христианской веры посредством Реформации, революций, войн и глобального противостояния систем, такие лидеры своего времени как католическая Франция, континентально-протестантская Германия и православная Россия были ментально-догматически дезинтегрированы. В результате они утратили былой политический статус. В XX столетии это положило начало процессу безудержной и агрессивной англо-американской

¹ От греческих слов καθ по и ὅλη целая, вся, подразумевается δικοῦμένη, т.е. вселенная — вселенский.

ментальной экспансии. Позже её политкорректно назовут глобализацией, проводимой теперь уже во главе с США на основании истин *a priori*, которые ими догматически исповедуются как абсолютные, непререкаемые и, главное – не требующих никаких доказательств.

Если рассматривать ценности американского правящего класса в политическом контексте принципа номинализма, то выявляется чёткая догматическая структура, не допускающих никаких сомнений или компромиссов. Номинализм как базисная ментально-догматическая установка стал фундаментом, на котором произрастали и развивались такие социальные и политические феномены как либерально-демократическое общественное устройство, рыночная экономика, протестантская этика, эмпирическая наука, права человека, установка на знание как информацию и т.д.

В отличие от дореволюционной России, где имперской основой были самодержавие, православие и народность, американская ментальная триада базируется на либеральных ценностях, религиозном протестантском мессионизме и рыночной экономике. Операторы власти однополярного мира и элита «золотого миллиарда» утверждают эти ценности в процессе глобализации в качестве общеобязательных требований и неотъемлемых условий своего могущества. Действуют они, говоря словами А.С. Панарина, в духе мессианской самоуверенности, догматически-репрессивными, тоталитарными методами [39]. Они не останавливаются перед угрозой применения военной силы и собственно её применением. Достаточно вспомнить о ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., о трёх миллионах вьетнамцев, погибших в результате американской агрессии в 60-е – 70-е годы XX в., о многочисленных государственных переворотах, организованных спецслужбами США, наконец, о бомбардировках Югославии с последующим её расчленением и т.д. и т.п.

Важной особенностью современного этапа ментальной экспансии является встраивание американских спецслужб в систему наращивания американской «мягкой силы» (*soft power*). Об этом пишут многие исследователи, которые обращаются к проблемам имперских проектов США [40]. Дж. Най, председатель Национального разведывательного совета в администрации У. Клинтона, предложил ёмкое определение: «мягкая власть Америки – это способность заставлять других хотеть того, что хочет Америка» [41].

Ясно, что способность заставлять не может реализовываться без использования уникальных возможностей спецслужб, «фундамента национальной безопасно-

сти» и «наконечника разящего копья» [42].

При этом актуализируется тема скрытого участия американской разведки в деятельности многочисленных исследовательских, культурно-просветительских, образовательных центров и прочих т.н. неправительственных организаций по всему миру, проведения агентурной работы в информационных проектах, инспирирования публикаций в прессе и материалов телевидения, создания негласных структур в области распространения книг и видеоматериалов и многих других областях. Речь идет не только об агентурно-оперативной работе ЦРУ и других ведомств разведки, но и о продвижении идей, навязывании ценностных ориентиров и создании новой медиа-реальности, отвечающей стратегическим планам США. В настоящее время спецслужбы США превращаются в ключевой элемент не только внешнеполитической, но и ментально-догматической экспансии. Спецслужбы, являясь важным элементом силовой сферы, в известной степени, интегрируют процесс обеспечения превосходства над другими государствами в первую очередь в ментальном пространстве [43].

США в качестве государства существуют немногим более двух столетий и составляют весьма небольшую часть в населении земли. Но как реальное религиозно-ментальное образование они опираются на свои унифицированные истины *a priori*, которые они предписывают всему глобальному миропорядку и всем иным государствам мира. Вместе с тем, Китай, который существует четыре тысячи лет и по населению многократно превосходит Соединенные Штаты, на основании своего недогматического, космоцентрического языческого менталитета никакой самостоятельной, а тем более общезначимой истиной *a priori* обладать не может. Следовательно, вместо «строительства коммунизма» он ускоренными темпами под руководством КПК строит буржуазное общество потребления по заёмному образцу, но с китайской спецификой, принимая извне, копируя правовые, этические и теоцентрические ментальные нормы и стандарты.

Индия и всё дальневосточное язычество также представляет собой густонаселенные, и, следовательно, ментально инертные образования. Это позволило им сохраниться, несмотря на разрушение других языческих культур догматической экспансией монотеизма. В результате этой экспансии и на Дальнем Востоке, и в Индии установка языческой ментальности на подражание природным и космическим процессам меняется установкой на подражание догматической цивилизации, прежде всего в ее западно-христианском виде, номиналистическом варианте.

В этой сфере процесса глобализации происходит расслоение человечества еще по одному принципу. Субъект техники, основные ее разработки, ноу-хау и пр. неизменно сохраняются в США и в Западной Европе, выражая технократическую экспансию западно-христианского менталитета. Но основные производственные мощности и обслуживающее технику население сосредоточиваются в бессубъектных политических образованиях, относящихся главным образом к тем менталитетам, где в значительной мере развит навык подражания и долгое время развивались естественные цивилизации. Прежде всего, это Дальний Восток, выполняющий объектную функцию в АТР и в глобальном «разделении труда» в целом [15].

В 60-е годы и позже мир поражен рынку тихоокеанского региона во главе с Японией. Но тихоокеанская эпопея, если не брать во внимание одни только технико-экономические показатели, на самом деле весьма банальна. Речь идет всё о том же эпигонстве, заимствовании, языческом подражании атлантической догматической модели, императивно насаждаемой во время и после американской военной оккупации Японии в 1945 г. Японию не случайно сегодня числят в системе большой восьмёрки: она действительно является по избранной ею модели не столько тихоокеанской, сколько «евроатлантической», западной страной [44].

Догматическое же мышление, опирающееся на исповедание трансцендентного Бога, начиная с иудаизма и включая все направления христианства, принципиально отрицает необходимость языческого подражания природному миру. Более того, целым рядом запретов, наложенных на естественные потребности человека, на питание и на проявление естественных животных функций, оно даже на обыденном уровне обязано было выделять себя из внешнего мира и противопоставлять себя ему.

Если для дореligиозного или языческого мышления целью является слияние с природной средой, с космосом в некоторой нерасторжимой гармонии, то для догматического религиозного мышления целью выступает переустройство всего внешнего мира, согласно обетованиям трансцендентного Бога. Или, как это стало происходить уже в эпоху Просвещения, т.е. в процессе секуляризации – согласно своим непререкаемым догматическим предпосылкам. Это две принципиально разные и не сводимые друг к другу ментальные установки – религиозно-догматическая и языческая со всеми вытекающими отсюда последствиями [15].

Казалось бы, подавляющая часть человечества – Китай со всем Дальним Востоком, Индия и тропическая Африка, должны были бы представлять собой доминант-

ную основу Мирового сообщества. В действительности о них даже не идет и речи, т.к. основанием глобализации выступают только ментально-догматически структурированные и малочисленные политические образования.

Религиозно-ментальные основания политики субъектами ментальной экспансии постулируются таким образом, что они не предполагают традиционные ценности других культур в качестве реальной политической основы государственных образований. Полагается, что именно их ментальная экспансия должна пронизывать все иные культуры и сообщества, придавая им единственно необходимые формы и способы развития в соответствии с заданными догматически обусловленными принципами и примерами социальной и политической организации – демократия, либерализм, рыночная экономика и т.д.

Операторами ментально-догматической экспансии осуществляется установка на полную проницаемость и трансформируемость всех существующих культур и политических образований, включая и Россию. Считается, что подобный процесс унификации человечества приведет его к абсолютному благу по-американски. При этом специфические предпосылки номиналистического менталитета утверждаются не рациональной аргументацией, а на основании догматически структурированной веры.

Для сформированного в Западном христианстве догматического мышления не существует пространственных границ. На всех континентах, в мышлении целых народов отсутствовал тот элемент ментального иммунитета, который мог бы хоть чем-то противостоять догматичному христианскому самоутверждению. Достаточно было представителям самого отсталого народа Западной Европы – португальцам – только доплыть до чужих земель, и они покоряли себе практически неограниченные территории.

Серьезного противодействия не встретила и российская экспансия на Восток, достигнув берегов Тихого океана и даже осваивая Аляску и западное побережье Северной Америки [45].

Именно догматический тип мышления, в основе которого лежит монотеизм, способен добиваться неданных практических результатов, в сравнении с дореligиозным, подражательным типом мышления в язычестве [46]. Он выступает унифицированным, беспредельно экспансивным и, по своим интенциям, изменяющим природу началом.

Важно заметить, что современная ментальная карта США, как в целом и всего Западного мира имеет выраженный полиментальный характер [47], но если из всех ментальных особенностей нынешней Америки нуж-

но было бы выбрать только одну, то этой особенностью была бы высокая религиозность нации. По процентному соотношению верующих (93%) Соединенные Штаты стоят ближе к исламским и развивающимся государствам (Филиппины, Мексика), чем к Западной Европе.

В 2002 году 59% американских респондентов отвечали, что «религия играет очень важную роль» в их жизни – в сравнении с 27% в Италии и 12% во Франции. Половина американских семей регулярно произносит молитву перед едой, а 69% американцев верят в существование Дьявола. Протестанты в Америке составляют 63% верующих, из них 44% евангелисты; католики составляют 24%. Другие религии – 8%, из них 2% – иудейская, не религиозны – что не равноценно атеизму – 6% населения [48].

В южных штатах число убеждённых верующих стремится к 100 процентам – эта полоса почти в пол-Америки получила название «Библейский пояс» (the Bible Belt). В такой пропитанной верой атмосфере, – пишет В. Крашенинникова, – возрастают самые убеждённые «рыцари демократии и свободы», каким был, например, конгрессмен Ч. Уилсон. Он практически единолично выстроил механизм поставок оружия афганским моджахедам в начале 1980-х годов в обход всех американских законов и процедур [48].

Религиозное усердие вносит в американское общество, известное своей рациональностью и тем часто отличающееся от российского, существенный эмоциональный заряд. Вера – это самое близкое, самое личное из того, что есть у людей, она важнее политических убеждений [48].

Мы, конечно, можем усомниться и сказать, что реальная картина западной и, в частности, американской религиозной ментальности не такая благодатная. Но, во всяком случае, она может говорить о ведущих ментальных тенденциях.

Здесь нельзя не сказать и о противоположных тенденциях. Животное человеческое естество не может у всех людей подряд и всё время быть под контролем религиозных догматов. Реальность жизни такова, что ни одно монотеистическое общество не имеет иммунитета против массовых эксцессов антидогматического бунта. У определённых категорий людей он будет прорываться [49]. Изначально в догматических предпосылках содержалась установка на прогрессивное моральное совершенствование человека. Причем в отличие от языческой мудрости под этим совершенствованием понималось не большее соответствие природному, животному естеству, а, напротив, преобразование его посредством этики. Этический идеализм религиозных менталитетов состоял в том, что нравственная истина выдвигалась в качестве

абсолютной. Человеческая же природа постулировалась сотворенной и, следовательно, полностью проницаемой для этой истины. На основании непререкаемых нормативных установок виделось поступательное и постоянное движение общества к благодатному моральному совершенству. В конечном итоге предполагалось построение такого общества, где каждый человек и вся масса человечества в целом выражали бы собой некие каноны и императивы, которые определяются заповедями, вместо своей врожденной, естественной животной сущности.

Но в действительности подобный идеализм вызвал совершенно непредвиденный в рамках непосредственного догматического взгляда, реальный хаос массового бессознательного в той же протестантской Америке [15]. Тотальная акцентуация массовой культуры на культе секса, протестной музыки, наркотиков, контркультуры сексуальных меньшинств, мести, насилия и убийства, совершенно не характерна для языческих цивилизаций. Наиболее этичное направление в христианстве, связанное именно с английским номинализмом, породило все эти феномены. Не Китай и не Индия выступают в современном мире производителями и адептами культа бессознательной деструкции, а протестантские Соединенные Штаты, сохраняющие почти пуританский образ жизни. И дело здесь не только в том, что человек, как оказалось, не совсем уместается в предзаданных рамках догматической этики, и сама непререкаемая жёсткость этих установок является одной из причин нарастающей иррациональной реакции со стороны человеческого естества. Сама догматика протестантизма как «гражданская религия» Америки, выраженная в ценностях демократии, рыночной экономики, свободы, либерализма, культа индивидуалистической самореализации, вступила в противоречие с изначальными христианскими ценностями.

Заключение

«Догматика никогда не прекращалась и не прекратится в человечестве».

«Догмат же всегда есть научно диалектическая система или принцип её» [5].

А.Ф. Лосев

В конце XX века политическая элита России провозгласила курс на интеграцию с западной цивилизацией. Была предпринята по существу насильственная попытка построить новую российскую государственность на либеральных догматах в варианте англо-американской ментальной модели.

Фактически была предана забвению идея о России как о самобытном мировом политическом, культурном, экономическом центре. На смену русскому право-

славному и советскому универсализму пришёл либеральный догматический глобализм, который не рассматривал Россию как самостоятельный субъектный центр в мире, а включал её в орбиту западной цивилизации [50].

Впервые за последние пятьсот лет русской истории национальная элита добровольно отказалась как от своей идентичности, так и от самостоятельной роли России в мировом масштабе, признавая тем самым полную идеологическую победу Запада [50].

Вместе с тем, современные элиты, составляющие правящий класс России пройдя воспитание в русле советского догматического атеизма, уже несколько десятилетий дрейфуют в сторону неоязычества [51](неопaganизма [52]), древневосточной языческой мистики, сайентизма и прочих культов. Осознанно или неосознанно они становятся проницаемы для чуждой нашему менталитету догматики, принимая на себя роль объектов англо-американской ментально-догматической экспансии. Как следствие они становятся и объектами рефлексивного контроля и управления [53] в планетарной борьбе за доминирование и выживание с заведомо проигрышным результатом. Дело только во времени.

Руководители государств Запада, вступая в должность, присягают на Библии. Это не ритуальное, это сакральное действо, наполненное глубоким смыслом. Это демонстрация незыблемости ценностных установок и интенций, берущих своё начало в христианской догматике, хотя и в модифицированном варианте конкретной ментально-догматической системы.

Президенты России клянутся на тексте Конституции РФ, который писали консультанты, советники и прочие специалисты. При этом нетрудно догадаться, откуда

они его переписывали. Кстати, сам этот факт также нами воспринимается исключительно догматически, т.е. так, что он не составляет для нас никакого вопроса как некая истина а priori. Именно поэтому, для мышления каждого из нас, находящегося внутри менталитета так трудно определить, – в чём именно состоит его догматическая обусловленность.

Мы можем сколько угодно гипнотизировать себя рассуждениями о «секуляризации» Запада. Но, говоря словами американского классика, «слухи об этом сильно преувеличены». Даже по мере развития самого процесса секуляризации, страны Запада будут следовать своим непререкаемым, догматически обусловленным основаниям, которые изначально формировались в эпоху христианства, развивались в русле католицизма и протестантизма и являются их продолжателями.

При всех известных противоречиях правящих элит «золотого миллиарда», при всех проблемах нынешнего экономического кризиса и неизбежных будущих мировых потрясений, Запад консолидирован и преисполнен мессианской решимости осуществлять свою политику на основе традиционных религиозно-догматических оснований при «руководящей и направляющей роли» англо-американского протестантизма, основой которого является догматический принцип номинализма.

Проблема лишь в том, как нам всё это понимать и что нам со всем этим делать.

Или что они будут делать со всеми нами, когда подойдут к острому дефициту ресурсов, а у нас устареет, сломается или будет окончательно и бесповоротно реформирован ракетно-ядерный щит.

Литература

1. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006.
2. Монахова И. Изменение менталитета / Монахова Ирина. – М.: Старклайт, 2008.
3. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.
4. Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Академический проект, 2008. (Философские технологии). – С. 257.
6. Ракитянский Н.М. Категория менталитета в пространстве психологии веры // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 4. – С. 208-213.
7. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. Издание 5-е. – М. 2004. С. – 141.
8. Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии. – М.; Воронеж, 2004. – С. 8.
9. Ракитянский Н.М. Опыт сопоставления менталитета и веры человека в политической психологии (научный доклад) // Теория и практика российской политической психологии: Материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, 23-24 октября 2009 года / Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – С. 70-82.
10. Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.: ОВАЗО, 2002.
11. Петр (Людилье) Архиепископ, Лосский В.Н. Толкование на символ Веры. – М.: Благовест, 2008.
12. Закон Божий, составленный по Священному писанию и изречениям Святых Отцов как практическое руководство в духовной жизни. – М.: Сретенский монастырь, 1998.

13. Симонов П.В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Бессознательное. Сборник статей. Том I. – Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. – С. 60-68; Владимиров В. Смысл русской жизни. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 189-193.
14. Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели. – Пер. с англ. – СПб.: Библиополис, 2006. – С. 382.
15. Можаровский В.В. Психологический анализ религиозно-ментальных оснований политики: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбУ, 2003.
16. Кемтински А. Экзистенциальная психиатрия. – М.: Совершенство, 1998. – С. 101-102.
17. Дзикович Е.А. Философско-эстетические взгляды Фомы Аквинского. – М., 1986; Маритен Ж. Философ в мире. – М., 1994; Честертон Г. Святой Фома Аквинский / Честертон Г. Вечный человек. – М., 1991.
18. Коплстон Ф. История философии. Средние века / Пер. с англ. Ю.А. Алакин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С. 249-281.
19. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. Пер. с англ. – М.: ВЛАДОС, 2003.
20. Хорьков М.Л. Майстер Экхарт: Введение в философию великого рейнского мистика. М.: Наука, 2003.
21. Курантов А.П., Стяжкин Н.И. Оккам. – М.: Мысль, 1978. – (Мыслители прошлого); Уильям Оккам: Избранное: Пер. с лат. А.В. Антонова и М.А. Гарнцева под общ. ред. А.В. Антонова. М.: Издательство УРСС, 2002. (Bibliotheca Scholastica; Вып. 3.).
22. Кришталева Л.Г., Хоружий С.С. Библиография мистико-аскетической (исихастской) традиции Православия // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. – М., 1995; Прохоров Г.М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. Т. 23. 1968. – С. 86-108.
23. Прохоров Г.М. Этническая интеграция в Восточной Европе в XIV веке (от исихастских споров до Куликовской битвы) // Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. – СПб. – 2000. – С. 42.
24. Петрунин В.В. Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата. – СПб.: Алетейя, 2009.
25. Лескин П.Д. Онтологический статус имени и слова в философской культуре Древней Руси – <http://www.phil63.ru/files/3vЛескин.doc>
26. Камчатнов А.М. Фундаментальное исследование о русском слове – http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s4_18_12.pdf
27. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 30 т. Т. 2. – С. 142.
29. Ухтомский А.А. Лицо другого человека: Из дневников и переписки / Сост. И.С. Кузьмичев. – СПб, 2008. – С. 560-562.
30. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. – М. 2004.
31. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. – М.: 1995.
32. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М. М.: Мысль, 1993.
33. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – С. 151-178.
34. Жискард д'Эстен В. Французы: Размышления о судьбе народа: Пер. с фр. – М.: Ладомир, 2004. – С. 151-156.
35. Панарин А.С. Ревани истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Русский мир, 2005. – С. 167.
36. Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 2001. Вып.3. С.16. Есаулов И.А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // <http://www.portal-slovo.ru/philology/37307.php>; Франк С.Л. Свет во тьме. – М.: Факториал. 1998.
37. Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность – СПб., 2001. – С. 281.
38. Любичев А.А. Наука и религия. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 282.
39. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 2000. – С. 179.
40. Паренти М. Власть над миром. – М., 1990; Кеннеди П. Вступая в XXI век. – М., 1997.
41. Единство Запада и трансатлантическая безопасность – перед лицом испытаний. – Публикация № 4 Центра им. Дж. Маршалла. – М., 2002. – С. 53.
42. Грибин Н.П. Американская разведка в формировании внешней политики США. // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1(2). – С. 64-78.
43. Семин Н.Л. Спецслужбы США в 2001–2006 гг. (проблемы взаимоотношений с другими институтами государства и обществом): Автореф. канд. историч. наук. – М.: ИСША и Канады РАН, 2008.
44. Панарин А.С. Ревани истории. – М., 2005. – С. 11-12.
45. Аверьянов В. Природа русской экспансии. – М. Лепта-Пресс, 2003.
46. Честертон Г. Вечный человек. – М.: РИПОЛ классик, 2006.
47. Семёнов В.Е. Российская полиментальность, политическая и духовно-нравственная ситуация в современной России // Психология власти – 2008. Материалы Второй международной научной конференции 14–15 января 2008 года. Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева. СПб.: Издательство С.-Петербургского гос. ун-та, 2008. – С. 106-111.
48. Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М.: Европа, 2007. – С. 4, 43.
49. Раушенбах Б.В. Пристрастие. – 2-изд. – М.: Аграф, 2000.
50. Петрунин В.В. Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 81.
51. Алексеев В. Русское неоязычество // <http://veruiet.narod.ru/rusneojazychvo.html>; Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 195-213.
52. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера. Том. 3. Неоязычество. Часть 1. – Москва 2000. – С. 20-26.
53. Ракитянский Н.М. Рефлексия в политике // Власть. 2003. № 9. – С. 21-24.

Материал поступил в редакцию 16. 09. 2010.